

ВОЙНА 1812 ГОДА В ПИСЬМАХ ФРАНЦУЗСКИХ СОЛДАТ

Н.В. Промыслов

Изучение взаимных представлений народов друг о друге в последнее время стало весьма популярной темой в исторической науке¹. Особенно охотно исследователи этой проблематики обращаются к истории XVIII в., когда, по мнению Л. Вульфа, возникла воображаемая культурная граница между Западной и Восточной Европой². Основными источниками в данном случае становятся произведения известных философов, литераторов, публицистов, путешественников. Такие работы рассматриваются историками, в первую очередь, как инструмент формирования общественного мнения, и лишь отчасти – как отражение представлений, существовавших в обществе. Собственно же представления о России широких слоев населения изучены в гораздо меньшей степени.

Между тем, стереотипные образы других стран, распространенные в обыденном сознании конца XVIII – начала XIX вв., являются чрезвычайно важным объектом исследования, так как именно в этот период массы становятся активным участником политического процесса, включая его международную составляющую. По мнению ряда историков, сложившиеся во Франции конца XVIII – начала XIX в. представления о России оказались весьма устойчивыми и в основных своих чертах сохранились едва ли не до нашего времени³. Вместе с тем,

Николай Владимирович Промыслов, аспирант Института всеобщей истории РАН.

¹ См., например: *Вальденфельдс Б.* Мотив чужого. Минск, 1999; Восток-Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Саратов, 2001; *Ерофеев Н.А.* Турманский Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. М., 1982; *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии: Вторая половина XIX – начало XX века. Очерки. Архангельск, 1994; *Одиссей 1993:* Образ «другого» в культуре. М., 1994; *Оболенская С.В.* Германия и немцы глазами русских. М., 2000; *Чернышёва О. В.* Шведский характер в русском восприятии. М., 2000 и др.

² *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. См., также: *Артемова Е.Ю.* Культура и быт России последней трети XVIII века в записках французских путешественников. М., 1990; *Карп С.Я.* Французские просветители и Россия. М., 1998; *Мезин С.А.* Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // ВИ. 2002. № 10 и др.

³ См., например: *Мезин С.А.* Указ. соч.; *Летчфорд С.Е.* Французская революция конца XVIII в. и формирование образа России в общественном мнении Франции // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 77.

роль войны 1812 года в их формировании пока еще практически не изучена, хотя именно поход Наполеона в Россию дал уникальную возможность сотням тысяч французов непосредственно соприкоснуться с реалиями этой страны.

Ниже я рассмотрю то, как служившие в Великой армии французы описывали в корреспонденции домой свое пребывание на русской земле. Этот источник интересен тем, что позволяет ознакомиться с восприятием России не только образованной элитой Франции, но и «простыми» французами.

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) и Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) хранятся более чем 300 писем французских солдат и офицеров Великой армии⁴. Они датируются в основном сентябрем – декабрем 1812 г., когда благодаря активным действиям русских партизанских отрядов коммуникации французской армии очень часто прерывались, а почтовые эстафеты перехватывались. Захваченная в ходе таких рейдов французская корреспонденция и составила впоследствии указанные архивные фонды. Среди авторов писем есть как известные генералы и маршалы наполеоновской эпохи (Л.А. Бертье, Л.Н. Даву, А. Коленкур, Ш.А. Моран, Ф.П. Сегюр), так и совершенно неизвестные солдаты и офицеры Великой армии.

Большинство писем написано на едином листе формата in-4°, сложенном пополам⁵. Таким образом, собственно для текста послания оставалось три страницы, а на четвертой указывался адрес получателя. Некоторые письма не имеют адреса: видимо, они были отправлены не по официальной почте, а с оказией. Таким способом пересылки корреспонденции пользовались даже самые высокопоставленные лица империи. Так, генерал граф Дарю, занимавший в то время пост государственного секретаря, писал 1 ноября 1812 г. в Шартр г-же Лостанжель (Lostangel), что передал ее письма по адресам⁶. Но подобный способ доставки корреспонденции не всегда оказывался наиболее быстрым. Например, в письме от 7 ноября неизвестный автор писал жене, что передал своему знакомому письмо от 14 июня,⁷ в письме от 14 октября другой автор сообщал, что получил через герцога Каволи письма от

⁴ ОР РГБ. Ф. 41. Карт. 165. Ед. хран. 25-26; РГАДА. Ф. 30. Д. №№ 239-243, 245-267, 269.

⁵ Иногда из-за недостатка бумаги письма писались буквально на клочках, по размеру не больше современного фантика от конфеты (см. например: РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 153), что свидетельствует о том, насколько важно было солдатам послать хоть какую-то весточку домой.

⁶ Там же. Д. 248. Л. 6.

⁷ Там же. Д. 267. Л. 61.

31 августа, 26 сентября и 1 октября⁸. Судя по времени написания последнего, вероятнее всего, все эти письма были доставлены вместе с эстафетой императорской почты. Иногда таким же способом пересылались деньги⁹, хотя делать это можно было и с помощью официальной почты.

Французская почта работала во время кампании 1812 г. довольно четко: императорская корреспонденция доходила из Парижа до Москвы за 15 дней с точностью до нескольких часов¹⁰. Остальные участники похода получали известия из дома несколько позже: разница составляла от одного-двух дней до месяца и более. Это было связано с действиями цензуры, просматривавшей все без исключения письма солдат, офицеров и генералов. Порою задержки происходили из-за недостаточно точного адреса на конверте или удаленности конкретной воинской части от Главной квартиры, куда поступала вся почтовая корреспонденция. На письмах из Франции в армию в качестве адреса указывались номер корпуса, наименование дивизии (обычно по фамилии командующего, из-за чего могла происходить путаница, т.к. некоторые дивизии за время кампании меняли командующих по нескольку раз¹¹, кроме того, состав дивизий в ходе боевых действий менялся довольно часто) и наименование или номер полка. На письмах во Францию адрес иногда указывался еще менее подробно: в обязательном порядке присутствовало название города и фамилия адресата, но далеко не всегда авторы указывали улицу и дом, где жил получатель письма.

Перебои с доставкой корреспонденции начались еще во время пребывания Великой армии в Москве, что было связано с действиями русских партизанских отрядов на французских коммуникациях. В редких случаях уже полученную почту задерживали по личному указанию императора. Так, получив 6 ноября известия о заговоре Мале, Наполеон распорядился задержать раздачу писем, причем исключения не было сделано даже для высших армейских чинов¹². Лишь через несколько дней, убедившись в полном провале заговора, император разрешил раздать всю полученную корреспонденцию¹³.

Писали французы домой с разной периодичностью: так, в одном письме автор пенял своей дочери, что пишет ей регулярно, а в ответ за

⁸ Там же. Д. 267. Л. 42-43.

⁹ Там же. Д. 266. Л. 18.

¹⁰ Коленкур А. Мемуары. Таллин, М., 1994. С. 184.

¹¹ Так, например, Пятой пехотной дивизией Великой армии только за время Бородинского сражения руководили четыре генерала.

¹² Коленкур А. Указ. соч. С. 269.

¹³ Письма солдатам были, по-видимому, розданы 8-9 ноября. Свидетельства тому см., например: РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 8, 51, 79 и др.

всю кампанию получил только одно письмо¹⁴, другой сетовал, что не имел возможности писать в течение трех дней, но высказывал надежду, что на следующий день напишет снова¹⁵, а третий извинялся, что не писал уже несколько недель¹⁶.

Чаще всего участники похода сообщали домой о насущных бытовых проблемах: самочувствии, питании и состоянии собственного гардероба. Чтобы описания трудностей похода не слишком пугали адресатов, авторы писем часто повторяли, что у них все в порядке. Иногда такие фразы встречаются в одном послании по нескольку раз, хотя при более пристальном прочтении можно понять, что дела обстоят совсем не так хорошо. Так, письмо из Смоленска от 10 ноября начинается с фразы: «Сперва хочу сказать, что у меня все в порядке...», но дальше автор рассказывает о нападении казаков, которые отбили их повозки, в результате чего их подразделение «потеряло все»¹⁷. А в письме от 8 ноября неизвестный автор отмечает, что здоровье его несколько ухудшилось «из-за ужасного климата» и упоминает о нескольких солдатах, умерших от болезней, но в конце, вероятно, чтобы несколько успокоить близких, добавляет фразу: «здоровье мое самое лучшее, на какое только можно надеяться в эту кампанию»¹⁸. Похожим образом описывал свое состояние и еще один автор: «чувствую я себя хорошо, несмотря на снег, холод и все, что связано с путешествиями в это время года»¹⁹, но далее в письме еще дважды встречается упоминание российских холодов, что должно свидетельствовать о том, что морозы доставляли ему очень много неприятностей.

Тема климатических трудностей вообще одна из наиболее популярных в письмах французских солдат. Практически в каждом втором документе упоминается погода за последние дни, но описания эти носят характер коротких сообщений без особых подробностей. Большинство авторов ограничиваются только фразами «начались морозы», «все покрылось снегом» и т.п. Многие явно пытались не испугать своих домашних и объясняли, что «мороз еще не очень силен, как днем, так и ночью», что «вчера погода была хорошая, снег еще не смерзся»²⁰. Но были и такие, кто рисовал картину, отчасти сходную с той, что впоследствии станет общим местом в мемуарах о войне 1812 года. «Мы идем уже по щиколотку в снегу – отмечал г-н Маршал (Marchal) – и

¹⁴ РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Д. 267. Л. 67.

¹⁵ Там же. Д. 266. Л. 54.

¹⁶ Там же. Л. 24-24 об.

¹⁷ Там же. Л. 57.

¹⁸ Там же. Л. 13-14.

¹⁹ Там же. Л. 64.

²⁰ РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 41-41-об.

сейчас довольно холодно, поэтому я заканчиваю письмо»²¹. Генерал Маршан уже 15 октября сообщал жене, что погода заметно испортилась²². В послании к г-ну Дантану (Danten), купцу из Арраса, его сын более чем откровенно описывал страдания французской армии в России: «...теперь я, как и весь батальон, вынужден спать на снегу, а сейчас уже чрезвычайно холодно. Позавчера много французов было найдено мертвыми на дороге или около нее»²³.

Представление о России как о стране, где зима продолжается по 7-8 месяцев было весьма распространено во Франции, поэтому оставшиеся на родине родственники и знакомые очень беспокоились о том, насколько сильны холода и какой урон они уже нанесли их родным в России. В письме от 1 ноября один из участников похода пишет адресату: «ты боишься, чтобы я не умер от холода», но успокоить своего корреспондента ему явно нечем: «У нас уже 5-6 дней температура составляет 3-6° мороза»²⁴.

Многие солдаты жаловались на усталость²⁵, вызванную, в том числе, плохими условиями для ночлегов. Часто ночевать приходилось в повозках²⁶, а многие были лишены даже этого и вынуждены были, как мы уже видели, спать просто на снегу. А в одном из писем от 13 октября автор сообщал, что уже с 1 июня спит под открытым небом и чаще всего на земле, что говорит о том, что бытовые условия были весьма нелегки и накануне похода против России, начавшегося только 22 июня²⁷. Во время отступления из России очень многим солдатам тем более приходилось устраивать бивуаки под открытым небом, ибо большинство построек вдоль Смоленской дороги были разрушены и сожжены еще во время наступления Великой армии. Поэтому, если солдатам удавалось занять какое-нибудь строение, это становилось для них большой удачей: «Я с товарищами нашел место для ночлега в комнате, где есть печка. Нас здесь 12 человек. И я думаю, что лучшая в мире квартира не доставила бы мне большего удовольствия. Здесь очень тепло и я смог снять сапоги, что принесло мне огромную радость»²⁸.

Писали солдаты и об иных бытовых трудностях. Поскольку Великая армия оказалась довольно плохо подготовлена к войне в условиях

²¹ Там же. Л. 18.

²² Там же. Д. 260. Л. 1.

²³ Там же. Д. 267. Л. 60.

²⁴ Т.е. 3,75 – 7,5°С (Температуру французы мерили по шкале Реомюра). – Там же. Л. 1-2.

²⁵ См., например: Там же. Л. 20. «Я очень устал. Чувствую себя хорошо».

²⁶ См., например: Там же. Л. 13, 17-об.

²⁷ Там же. Л. 35.

²⁸ Там же. Д. 266. Л. 47.

зимы, то уже во время пребывания в Москве остро встал вопрос об отсутствии зимней одежды и обуви для солдат и офицеров. Даже гвардия была экипирована в этом отношении недостаточно хорошо. Так, сержант гвардии Бургонь позднее напишет в своих мемуарах, что выжил в этом походе только благодаря толстой медвежьей шкуре, в которой проделал большую часть пути от Москвы до границы²⁹. Многие участники похода смогли обеспечить себя сами за счет вещей, захваченных в Москве, но были и такие, кому не удалось пожить. К тому же отступали войска Наполеона из России весьма спешно, и даже во время стоянок солдаты часто не имели возможности привести свою амуницию в порядок. Один из них писал 9 ноября в Смоленске: «Я уже 19 дней ношу одну рубашку и очень давно ее не менял». Далее автор уточнял, что его вещи еще не добрались (видимо с обозом) до города, поэтому он и вынужден довольствоваться единственной сменой белья³⁰.

У состоятельных участников похода было несколько больше возможностей пополнить свой гардероб. Так, генерал Кампан в письме к жене упоминает о лисьих шубах, которые раздобыл в Москве³¹. Другой неизвестный участник похода писал: «У меня есть большой плащ из очень хорошего сукна, подбитый мехом, который я купил у солдат за 100 франков. Кроме того, у меня есть хорошая пара ботинок на меху»³². Сумма в 100 франков была весьма значительна для того времени и не каждый мог себе позволить расстаться с такими деньгами, поэтому тем, у кого не было с собой столь значительных средств, приходилось довольствоваться тем, что удалось захватить по дороге.

В исследуемых письмах ни один из авторов не высказывает просьбу к домашним о присылке денег. Причин тому могло быть несколько. Во-первых, многие участники похода весьма обогатились при разграблении Москвы. Некоторые даже сами пытались помочь своим родным деньгами: так, г-н Маршал писал жене, что ему удалось найти способ отправить в Париж чек на 500 франков³³. Во-вторых, из-за дальних расстояний и трудности коммуникаций такие просьбы теряли всякий смысл, ибо требуемая сумма пришла бы только через месяц-два, если письмо или почтовый перевод не затеряются по дороге. Кроме того, суммы, необходимые для покупки амуниции и провианта, оказывались столь высоки, что большинство семей уже не могли ничем помочь своим родным, находящимся в России. И если в первой

²⁹ Бургонь А.Ж.Б. Мемуары. М., 2003. С. 57.

³⁰ РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 45.

³¹ Там же. Л. 1-2.

³² Там же. Л. 40.

³³ Там же. Л. 18.

половине 1812 г. среди писем из Франции довольно часто можно найти бланки императорской почты на пересылку денег в армию³⁴ – как правило, из Франции солдаты получали не более 30-40 франков³⁵, – то во второй половине кампании таких переводов уже практически не встречается, в том числе и потому, что подобные суммы уже не могли удовлетворить нужд участников похода.

Помимо холодов, одной из самых трудных бытовых проблем была нехватка продовольствия. Недостаток провианта и особенно фуража начал сказываться уже в начале кампании, о чем позднее сообщали многие мемуаристы³⁶, а судя по письмам, в некоторых частях даже накануне ее³⁷. В письме от 13 октября неизвестный автор пишет, что уже три месяца питается почти исключительно хлебом: «...таким черным и таким плохим, что им впору кормить собак»³⁸. Во время пребывания в Москве положение с продовольствием для солдат немного улучшилось, но фуража по-прежнему не хватало, из-за чего французы были вынуждены устраивать довольно далекие вылазки, на которые выходили целыми отрядами.

После того, как наполеоновская армия покинула Москву, ее положение заметно ухудшилось. И уже приближаясь к Смоленску, многие французские части оказались практически без продовольствия: «... там ничего нельзя было найти даже за большие деньги, как было в других местах»³⁹. Хотя в самом городе были подготовлены некоторые запасы провианта и фуража, но на всех отступающих их не хватило. Ситуация со снабжением хорошо описывается в письме анонимного автора из Смоленска в Безиер: «По дороге мы очень страдали от нехватки хлеба, но у нас было в избытке лошадей, умирающих от усталости, которыми мы и питались, с небольшим количеством сливочного масла или зерна». Далее в том же письме находим подробное описание рагу из кошки, приготовленного одним из сослуживцев автора: блюдо это заслужило похвалы со стороны тех, кто его попробовал⁴⁰. Тяжелое положение с продовольствием сказывалось и на высокопоставленных лицах. Так Анри Мари Бейль (в будущем известный писатель Стендаль), занимавший должность интенданта при главной императорской квартире⁴¹, писал своему отцу в Гренобль: «Я потерял все съестные

³⁴ См.: Там же. Д. 269. Ч. 1-2.

³⁵ См., например: Там же. Ч. 2. Л. 549.

³⁶ См., например: *Коленкур А.* Указ. соч. С. 98-99 и др.; *Сегюр Ф.П.* Поход в Россию. Смоленск, 2003. С. 49.

³⁷ РГАДА. Ф. 30. Д. 269. Л. 534.

³⁸ Там же. Д. 267. Л. 35об.

³⁹ Там же. Л. 59.

⁴⁰ Там же. Д. 266. Л. 39об.

⁴¹ То есть при личном штабе императора Наполеона.

припасы и 18 дней жил, питаясь убойственным солдатским хлебом и водой»⁴².

Но та провизия, которую французам удавалось иногда добывать у крестьян оказывалась порою не лучше. В воспоминаниях участников похода можно найти большое количество подобных описаний: «То, что выглядело как торф, при ближайшем осмотре оказалось черствым, кислым черным хлебом, в котором было много овсяной шелухи. Хлеб был нарезан кусочками, высушен в печке и таким образом получилось нечто вроде сухарей. Наш был внутри белый не от плесени, а от химического разложения»⁴³.

Всех без исключения, от солдата до маршала, волновал вопрос о том, как и когда закончится эта кампания. Поход против России изначально воспринимался в армии неоднозначно, далеко не все понимали его цели, поэтому скорейшее его завершение было для многих весьма желанным событием. Генерал Груши еще 15 октября писал, что в армии очень ждут от Александра I ответа на предложения о мире, и вопрос этот, по словам генерала, должен решиться в ближайшие два дня⁴⁴. Генерал Маршан считал, что такая война не может продолжаться долго, хотя добавлял, что о переговорах, на которые отправлен Лористон, ничего положительного сказать не может. Это письмо было отправлено генералом уже после того, как его часть покинула Москву, но автор не исключал и возможности своего туда возвращения⁴⁵. Такая неуверенность в ближайшем будущем говорит о том, что даже среди высших чинов Великой армии не было четкого представления о том, где и когда должна закончиться кампания. Нижние и средние чины после отступления из Москвы и вовсе судили о задачах кампании только по слухам.

В войсках было весьма широко распространено мнение, что местом зимовки Великой армии станет Смоленск, где должны были собрать большие запасы продовольствия и фуража. Г-н Граналь писал своей жене 7 ноября, что армия должна остановиться на зиму в Смоленске, а на следующий год «... мы заставим сжечь Санкт-Петербург»⁴⁶. Такие слухи имели под собой самые серьезные основания: Наполеон еще при вступлении в Смоленск в августе 1812 г. предполагал остаться там до весны, но затем по ряду причин двинулся дальше. Позже, уже находясь в Москве, он среди прочих вариантов предполагал

⁴² РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 76.

⁴³ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 2. Отступление. М., 2004. С. 474.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 30. Д. 246. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 260. Л. 1-2.

⁴⁶ Там же. Д. 267. Л. 62. Схожее мнение содержится и в другом письме. См.: Там же. Л. 3.

возможность отступления на зиму в Смоленск и до прихода в этот город неоднократно говорил о такой перспективе своим приближенным. Император планировал продолжить кампанию на следующий год, находясь уже в центре России, и среди возможных целей назывался Санкт-Петербург. Но, когда армия подошла к Смоленску, оказалось, что запасов в нем собрано недостаточно для зимовки почти ста тысяч человек, и отступление было продолжено до границ Российской империи.

Были и те, кто почти сразу после ухода из Москвы предполагал, что отступать придется на территорию «русской Польши», вплоть до Вильно, надеясь, вероятно, на более приветливое отношение со стороны поляков и литовцев. Так, в письме от 14 октября, написанном в непосредственной близости от Москвы, некий автор утверждал, что армия отойдет поближе к столице Литвы, где вероятно и останется до следующего года⁴⁷. После того, как стало ясно, что французы не встанут на зимние квартиры в Смоленске до начала 1813 г., в письмах стало гораздо чаще фигурировать Вильно, как конечная цель кампании 1812 года⁴⁸. Действительно, у Наполеона была после Смоленска мысль остановиться на зимовку в Литве, для чего он отдал многочисленные приказы о сборе припасов в Вильно и концентрации войск для его защиты. Даже уезжая из армии, император оставил Мюрату приказ закрепиться в Вильно и сделать его опорным пунктом французов до начала кампании 1813 г. Впрочем, тогда уже многие участники похода выражали надежду на скорый мир и возвращение в Париж⁴⁹, а некоторые наделись даже прибыть во Францию еще до конца 1812 года⁵⁰, что было возможно только в случае окончания войны.

Достичь Вильно надеялись к 1 декабря, о чем один из участников похода писал туда г-ну Гамену (Gamain) 8 ноября⁵¹. Установление таких сроков говорило о том, что французы практически не принимали в расчет возможные действия русской армии, полагая, видимо, что смогут преодолеть оставшееся расстояние за три недели, не взирая на любые маневры противника.

Несколько презрительное отношение к российским войскам было весьма распространено в армии Наполеона. Оно целенаправленно поддерживалось и культивировалось французской пропагандой еще накануне войны, чтобы успокоить общественное мнение относительно перспектив похода против России. В сочинении Лезюра, изданном в

⁴⁷ Там же. Л. 42.

⁴⁸ Там же. Д. 266. Л. 7.

⁴⁹ Там же. Л. 62.

⁵⁰ Там же. Д. 267. Л. 17-18.

⁵¹ Там же. Д. 266. Л. 13.

1812 г., содержалось весьма обширное описание российской армии начала XIX века. Основываясь преимущественно на сообщениях европейских путешественников, автор характеризовал ее как довольно многочисленную, но очень плохо подготовленную. Наиболее критично Лезюр отзывался об уровне подготовки кавалерии и офицерского состава, многие представители которого, по его мнению, не имели военного образования и воспринимали службу только как способ личного обогащения⁵². С началом боевых действий о слабости российской армии постоянно твердили французские газеты и бюллетени Великой армии. В первый период кампании на страницах прессы неоднократно описывались мелкие стычки, где французы одерживали победы над превосходящими силами противника. Наибольшую известность получил случай в бою под Островно, когда 200 французских вольтижеров отбили несколько атак численно превосходящей российской кавалерии, за что каждый из них получил крест Почетного легиона. Эта история была впервые описана в 10-м бюллетене Великой армии от 31 июля. Позже данный эпизод был повторен в мемуарах Сегюра и в воспоминаниях других участников похода⁵³.

Подобное, несколько пренебрежительное отношение к противнику находило отражение и в письмах французов из России. Так, в уже упоминавшемся письме к г-ну Дантану содержалось такое описание столкновения с русской армией: «...затем мы отправились в Mstislav, полагая, что там нас ждет русская армия, но когда мы туда пришли, там был только один батальон, который и не пытался перекрыть нам дорогу»⁵⁴. После прочтения этого письма у читателя непременно должно было сложиться впечатление, что российские войска практически не препятствовали отступлению французов.

Нередко европейцы объясняли победы русских войск их численным превосходством. Такая традиция получила распространение еще со времен Полтавской битвы, поражение в которой Карл XII объяснял тем, что у него было 20 000 солдат против 200 000 русских. Во время кампании 1812 года тоже были попытки объяснить неудачи французов преимуществом русских войск в живой силе. Например, состоявшееся 6-8 октября сражение под Полоцком, в результате которого город был отбит войсками генерала Витгенштейна, в одном из писем описывалось

⁵² *Lesur Ch.L.* Des progrès de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. P., 1812. P. 409-412.

⁵³ См. 10-й бюллетень Великой армии. Цит. по: *Moniteur Universel*. 1812. № 228. Из мемуаров см., например: *Сегюр Ф.П.* Указ. соч. С. 46; *Bourgogne A.J.B.* Mémoires du sergent Bourgogne. 1812-1813. P., 1978. P. 31.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 59-59об.

так: «у французов было 20 000 против 52 000 и хотя маршал Сен-Сир организовал оборону наилучшим образом, Полоцк русские захватили, потеряв 15 000 – 20 000 человек (курсив мой – Н.П.)»⁵⁵. Таким образом, автор письма стремился показать, что российские войска могут добиться победы только благодаря численному превосходству и ценой огромных потерь. Надо отметить, что численность войск, участвовавших в сражении, неизвестный автор указал довольно точно, но вот потери российской армии в этом бою примерно соответствовали французским и составили около 8 000 человек⁵⁶.

Хотя о российской армии в целом французы были не слишком высокого мнения, казачьи отряды вызывали у многих солдат Великой армии нескрываемый страх. «Все эти дни (прежде, чем уехать из Витебска – Н.П.) я жил в страхе перед казаками (курсив мой – Н.П.), которые находятся недалеко от города. Также к городу подошел значительный корпус русских»⁵⁷. Еще в XVIII в. казацкие отряды стали для европейцев символом варварства и жестокости, причем многие выделяли казаков из общего состава русских войск, считая их скорее кочевым народом, нежели специфическим видом легкой кавалерии. Автор другого письма, описывая вероятные пути дальнейшего развития кампании, выражал надежду, что император со своей армией, поддержанный войсками маршалов Виктора и Сен-Сира, «не даст себя окружить, и скоро казаки будут уже далеко»⁵⁸.

Боязнь эта была во многом оправдана, ибо казачьи отряды и ополчение (которое французы часто путали с казаками) доставляли много неприятностей отступающей Великой армии. Летучие отряды русских часто совершали нападения на почтовые эстафеты, обозы и отставших солдат. В письмах во Францию подобные нападения упоминались весьма часто. Такие атаки наносили довольно существенный урон войскам⁵⁹ и особенно обозам, которые двигались медленнее и потому часто становились добычей легкой кавалерии⁶⁰.

Практика уничтожения русской армией во время отступления городов и деревень, вызвавшая большое удивление французов, также вполне вписывалась в распространенное среди них представление о варварстве русских. К началу сентября 1812 г. в Великой армии уже успели привыкнуть к тому, что все населенные пункты, которые

⁵⁵ Там же. Л. 52.

⁵⁶ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 577.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 57-57об.

⁵⁸ Там же. Л. 69.

⁵⁹ Там же. Д. 266. Л. 13об.

⁶⁰ Там же. Л. 57.

оставляет им русская армия, целенаправленно сжигаются. Тем не менее, уничтожение Москвы шокировало всех без исключения французов от императора до последнего солдата⁶¹.

Москва, многократно описанная иностранными путешественниками, была уже отчасти знакома участникам похода 1812 года. Ее представляли огромным городом, в котором смешались черты восточной и европейской цивилизации. Вольно или невольно завоеватели сравнивали Москву с Парижем. В 19-м бюллетене Великой армии находим такое описание: «Москва столь же велика, как и Париж. Город очень богат, здесь расположено множество дворцов высшей знати империи»⁶². А в следующем бюллетене Москва описывается как центр России, один из прекраснейших и богатейших городов мира: «...это кладовая Европы и Азии, здесь огромные магазины и все дома имеют запасы на восемь месяцев»⁶³. Участники похода во многом повторяли описания официальной пропаганды: «В Москве огромное количество прекрасных дворцов и особняков (*palais et hôtels superbes*)... этот город является центром торговли всей России»,⁶⁴ писал генерал Грандо полковнику барону Ноосу.

Французы придавали огромное символическое значение завоеванию Москвы, так как она представлялась им началом пути в Азию, а еще до начала кампании ходило много разговоров о том, что эта война может превратиться в поход на Индию. Нужно также иметь в виду, что кампания к моменту вступления наполеоновских войск в Москву складывалась уже не вполне удачно: коммуникационная линия Великой армии была чрезвычайно растянута, русская армия хотя и была разбита, но находилась рядом со своими базами снабжения и потому имела хорошие возможности для пополнения численного состава, тогда как численность французской армии только сокращалась, а впереди еще была страшная русская зима. Понимая все это, Наполеон старался доказать Франции и остальной Европе значимость своих завоеваний, поэтому в бюллетенях Великой армии Москва предстает едва ли не единственным центром Российской империи, главным торговым и промышленным городом государства. А уничтожение столь важного города самими русскими служило дополнительным доказательством их варварства.

⁶¹ Подробнее о восприятии французами московского пожара см. статью В.Н. Земцова в настоящем сборнике.

⁶² Цит. по: *Moniteur Universel*. 1812. № 277.

⁶³ Цит. по: *Ibid.* № 278.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 30. Д. 245. Л. 1.

Весьма заметный отпечаток на содержание писем, отправляемых во Францию, накладывали действия цензуры, просматривавшей всю без исключения корреспонденцию. Авторы хорошо знали о существовании такой цензуры, и соответственно пытались писать так, чтобы не попасть под ее действие. Так, ни в одном письме из рассмотренного комплекса не содержалось каких-либо упреков по отношению к командованию французской армией, хотя оснований для недовольства было достаточно. И даже в описании собственных бытовых трудностей участники похода были весьма кратки, опасаясь, с одной стороны, запугать своих корреспондентов, а с другой, догадываясь, что излишне пессимистичные послания могут и вовсе не дойти до адресата. Поэтому многие подробности отступления Великой армии из России стали известны только после возвращения оставшихся в живых участников похода.

Несмотря на цензурные ограничения и опаску авторов корреспонденции написать что-то, что могло бы не понравиться чиновникам, занимающимся перлюстрацией, письма солдат Великой армии являются очень интересным источником о представлениях французов о России начала XIX века. Описания увиденного в данных документах отличаются краткостью и емкостью, прежде всего – из-за недостатка времени, а часто и материала для письма. Также этот источник важен тем, что, в отличие от мемуаров, авторы которых создавали свои произведения по окончании Наполеоновских войн и нередко приукрашивали некоторые описания, чтобы их книги пользовались большей популярностью, а часто и переписывали отдельные фрагменты друг у друга, по письмам мы можем ознакомиться с непосредственным впечатлением участников похода от увиденного или услышанного во время кампании.